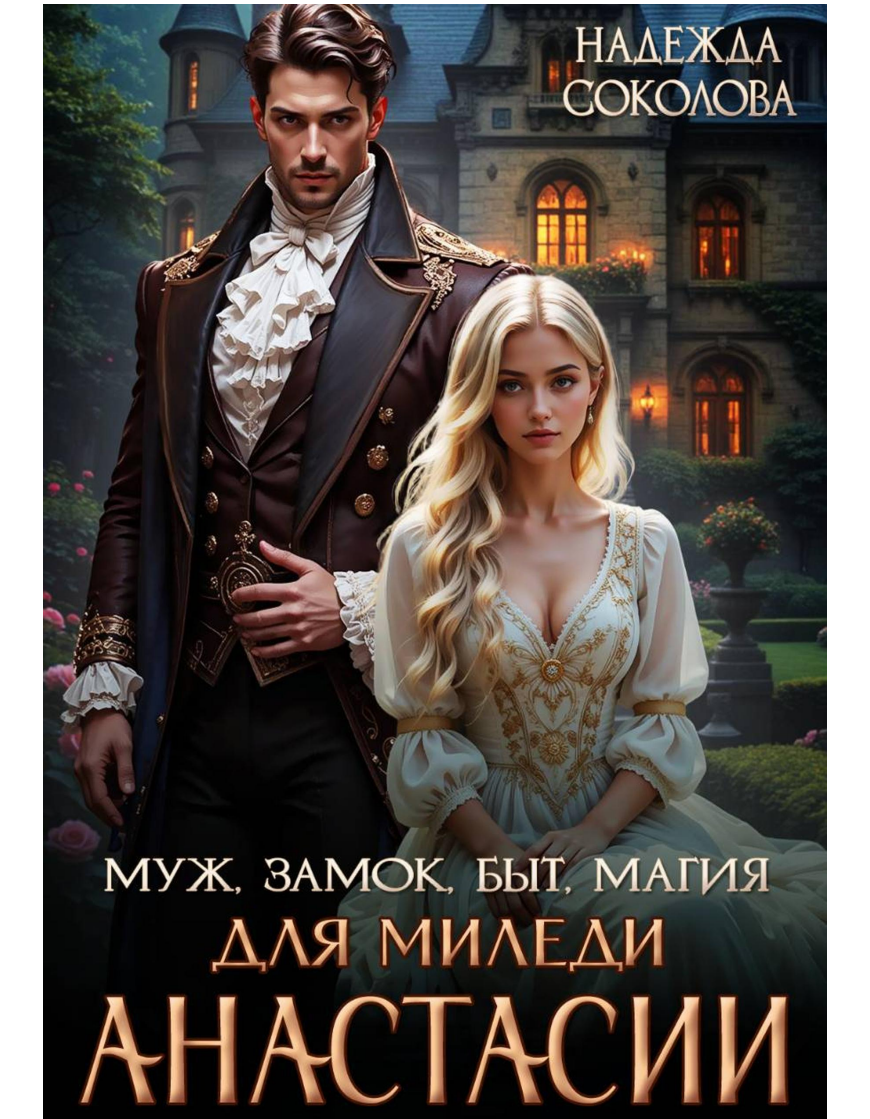

A man and a woman in 18th-century attire. The man is standing, wearing a dark brown coat with gold buttons and a white ruffled cravat. The woman is sitting, wearing a white dress with gold embroidery and puffed sleeves. They are in front of a large, ornate castle with many windows, some of which are lit. The scene is set at night with some moonlight and garden lights.

НАДЕЖДА
СОКОЛОВА

МУЖ, ЗАМОК, БЫТ, МАГИЯ
ДЛЯ МИЛЕДИ
АНАСТАСИИ

Надежда Соколова

Муж, замок, быт, магия для миледи Анастасии

<https://litres.ru/74459103>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне 35, я - модельер с Земли. В магический мир попала по воле моей матери, сильной колдуньи. Она уверена, что мне пора выйти замуж и родить ей внуков. Что ж, дорогие женишки, становитесь в очередь, буду выбирать себе мужа.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Надежда Соколова

Муж, замок, быт, магия для миледи Анастасии

Глава 1

Следующие несколько дней пролетели в том ритме, который я уже называла «рабочим марафоном», но с той разницей, что теперь я чувствовала себя не загнанной лошадью, а уверенным капитаном, который знает курс и не боится штормов. С утра до обеда я разбирала старые заказы — проверяла, что готово, что требует доработки, и кому из клиенток уже пора отправлять вестники с напоминанием о примерках. Платье для Долорес почти доделали эльфийки, я лишь подправила драпировку на плечах, а костюм Ричарда висел на манекене в примерочной, ожидая последней примерки, которую я всё откладывала из-за родительского визита. Я стояла перед ним, поправляла лацканы и думала, что в этом тёмно-синем бархате Ричард будет выглядеть именно так, как я представляла: строго, но с той лёгкой театральностью, которая подходит драконьей аристократии.

Параллельно я готовилась к новым заказам, которые оставили гномки на осеннем празднике. Я перечитывала их запи-

си, разложила по кучкам образцы тканей, которые подходили к их пожеланиям, и даже сделала несколько быстрых набросков для шерстяных платьев, которые могли бы согреть женщин в подземельях. В свободные минуты я перебирала старые аксессуары, примеряла шляпки, разглядывала пуговицы и застёжки, раскладывая их по коробкам с мыслью «это для эльфов, это для драконов, а это — для особых случаев». Некоторые вещи я находила впервые, хотя, казалось, пересмотрела всё: маленькую диадему с голубым камнем, которая подошла бы к платью Долорес, и пару серебряных запонок, которые я решила подарить Ричарду, если он приедет на примерку с хорошим настроением.

Я даже нашла время, чтобы посидеть с эльфийками и обсудить, как мы будем использовать магические рулоны, которые бабушка оставила мне. Один из них, с переливающимся узором, я решила пустить на новую коллекцию к весне — он был лёгким и одновременно тёплым, и я знала, что он понравится и вампиршам, и эльфийкам, которые ищут что-то необычное. Тариэль уже набросала эскиз платья с асимметричным подолом, а Лартаниэль предложила добавить вышивку по краю в виде падающих звёзд. Я одобрила, и мы начали работать над образцом, хотя я знала, что до весны ещё несколько месяцев.

Но при всём этом ритме, среди шума машинки и голосов помощниц, я нет-нет да и возвращалась мыслями к Ричарду. Это происходило не навязчиво, не как одержимость, а ско-

рее как лёгкий фон, который появлялся, когда я на мгновение отвлекалась от работы. Когда я поправляла его костюм на манекене, я представляла, как он будет стоять в нём на пороге замка, или как его глаза посмотрят на меня, когда он приедет на примерку. Когда я выбирала серебряные запонки для него, я думала о том, что они могли бы ему понравиться, потому что он любит детали, и что, возможно, когда-нибудь он приедет не только за заказом, но и просто так, как друг, или как кто-то больше. Лиска, конечно, заметила мою задумчивость, и как-то за обедом, подавая мне чай, сказала с кривой улыбкой:

— Настька, ты, я смотрю, всё о том драконе думаешь. Я уже видела, как ты перебираешь его запонки и улыбаешься им. Мне начинать готовить приданое?

Я фыркнула и ответила, что приданое я сошью сама, когда припечёт, и что она лучше следила бы за тем, чтобы в мастерской не кончились булавки, а не за моими вздохами. Но Лиска только хмыкнула и ушла, а я осталась сидеть с кружкой чая, глядя на снег за окном, и думать, что, наверное, она была не так уж и не права. Просто я ещё не была готова признать, что эти мысли о нём стали частью моего дня, как нитки и иглы, — и я не знала, хорошо это или плохо.

Я вздохнула, допила чай и вернулась к работе, потому что заказы, как и мысли, требовали внимания, и я была готова дать им и то, и другое — в меру, но не забывая о том, что где-то там, в столице, есть дракон, который, возможно, тоже

вспоминает меня, когда снег падает за его окном.

Глава 2

Через несколько дней, когда я уже почти смирилась с тем, что Ричард, возможно, не приедет до весны, в холле замка снова раздался знакомый хрустальный звон, и порталный вихрь выплюнул на мраморный пол двух драконов — герцога и его сестру. На этот раз они появились без предупреждения, и я, стоявшая в рабочей комнате с булавкой в зубах и рулеткой на шее, услышала, как Долорес звонко восклицает:

— Анастасия! Мы приехали! И у нас есть целый час, потому что братец решил, что примерка не может ждать до весны, особенно после того, как он дважды танцевал с вами на балу и теперь не может думать ни о чём другом!

Я выронила булавку, быстро поправила волосы и вышла в холл, где Ричард уже снимал плащ с видом человека, который привык, что его ждут, но при этом старается не выглядеть слишком самодовольным. Он был в тёмно-сером камзоле, который подчёркивал ширину его плеч, и с той же лёгкой улыбкой, которую я помнила по балу. Долорес, в отличие от брата, не скрывала своего восторга и сразу же принялась рассматривать ёлку, которая всё ещё стояла в холле, хотя уже немного осыпалась.

— Вы ещё не убрали её? — спросила она с удивлением. — Найра Анастасия, она же уже почти лысая. Или вы держите её специально, чтобы напоминать брату о том, как он хорошо

танцевал?

— Я держу её, потому что она мне нравится, — ответила я, улыбаясь. — И потому что убирать ёлку — это грустно. А грустить я не люблю.

Ричард подошёл ко мне, поклонился чуть глубже, чем требовал этикет, и сказал:

— Найра Анастасия, прошу простить за неожиданный визит. Но моя сестра заявила, что если я не приеду на примерку в ближайшие дни, она сама сошьёт мне костюм из штор. А я, знаете ли, не готов к такому эксперименту.

— Он просто боялся, что вы подумаете, будто он не хочет приезжать, — добавила Долорес, проходя мимо нас в зал для показов. — Он все эти дни ходил по столице и вздыхал. Я даже думала, что он заболел, но лекарь сказал, что это не болезнь, а «нечто иное». Я, конечно, сразу поняла, что это.

— Долорес, — предупреждающе сказал Ричард, но в его голосе не было злости, только лёгкое смущение, которое я находила очаровательным.

Мы прошли в зал для показов, где я начала с костюма Ричарда. Он висел на манекене — тёмно-синий бархат, серебряные пуговицы, строгий крой, но с той самой лёгкой драпировкой на плечах, которую я добавила, чтобы подчеркнуть фигуру Ричарда. Он подошёл к манекену, обошёл его кругом, потрогал ткань и сказал:

— Это... выглядит даже лучше, чем я представлял. Вы уверены, что это для меня? Не для какого-нибудь столично-

го щёголя?

— Уверена, — ответила я, снимая костюм с манекена. — Примерьте, и я посмотрю, что нужно подправить. Только, пожалуйста, не делайте резких движений, потому что булавки ещё внутри, и если вы случайно заденете одну, я не хочу, чтобы вы ушли отсюда с дыркой в боку.

Он скрылся за ширмой, а Долорес, которая уже уселась в кресло и разглядывала мои образцы тканей, сказала мне тихо, но с явным удовольствием:

— Знаете, Анастасия, он никогда не ездит на примерки сам. Обычно я заказываю ему костюмы, и он даже не смотрит, что там шьют. А тут — сам попросил, сам собрался, сам портал открыл. Я думаю, это не костюм его интересует.

— Долорес, — раздался из-за ширмы голос Ричарда, — если ты не прекратишь, я расскажу найре Анастасии, как ты в детстве пыталась превратиться в дракона и застряла в камине.

— Это было один раз! — возмутилась Долорес, но всё же замолчала, и я, стараясь не смеяться, приготовила булавки и мел для разметки.

Когда Ричард вышел из-за ширмы, я на мгновение замерла. Костюм сидел на нём так, как я и рассчитывала, — строго, но с той самой линией, которая подчёркивала его широкие плечи и длинный стан. Он посмотрел на себя в магическое зеркало, и я увидела, как его брови чуть приподнялись.

— Это действительно хорошо, — сказал он, поворачива-

ясь перед зеркалом. — Я думал, что бархат будет выглядеть слишком тяжело, но здесь он сидит как вторая кожа. Вы уверены, что не используете магию?

— Только немного, — ответила я, подходя к нему с булавками. — Вот здесь, на плече, нужно чуть-чуть подобрать, потому что левая сторона немного провисает. И рукав — я сделаю его чуть уже, чтобы он не мешал вам жестикулировать, когда вы будете рассказывать столичные сплетни.

— Я не рассказываю сплетни, — сказал Ричард, но в его глазах была улыбка. — Я делюсь информацией. Это разные вещи.

Я принялась за работу, закалывая булавки и делая пометки мелом, а он стоял терпеливо, лишь иногда поворачиваясь, когда я просила. Долорес тем временем не теряла времени даром и уже успела обсудить с Тариэль, которая заглянула в зал, эскизы для своего платья на весну, и я слышала, как она говорит:

— Я хочу что-то воздушное, но чтобы не смотрелось как ночная рубашка. И обязательно с открытой спиной, ведь я не зря столько лет тренировала осанку.

Когда я закончила с костюмом, Ричард снова подошёл к зеркалу и долго смотрел на себя — не с самодовольством, а скорее с удивлением, как будто не ожидал, что я смогу так точно уловить его образ.

— Знаете, — сказал он, поворачиваясь ко мне, — я хотел бы заказать у вас ещё один костюм. Для весеннего бала в

столице. Что-то более лёгкое, но такого же качества. И, если возможно, я хотел бы приехать на примерку сам. Без сестры.

Долорес, услышав это, фыркнула, но не стала комментировать, только закатила глаза и продолжила листать эскизы. Я посмотрела на Ричарда, на его серые глаза, в которых было что-то тёплое, и ответила:

— Я согласна. Но предупреждаю: у меня строгие правила. Если вы придёте без предупреждения, я могу заставить вас держать булавки или гладить швы. Это не наказание, это помощь.

— Я готов, — сказал он, и улыбнулся — на этот раз широко, без тени аристократической сдержанности. — Я даже готов держать булавки. Если это поможет мне провести с вами больше времени.

Долорес поднялась с кресла и подошла к нам, оглядывая брата с ног до головы.

— Ну что, костюм готов? Или ты собираешься стоять здесь до вечера, чтобы найти предлог остаться?

— Костюм почти готов, — ответила я, отступая на шаг. — Мне нужно закончить подгонку, и через три дня я отправлю его вам с вестником. Или вы можете приехать снова.

— Мы приедем, — сказала Долорес, беря брата под руку. — И я тоже хочу примерить своё платье, потому что, судя по эскизам, оно будет шедевром. А ты, братец, не забудь, что у нас ещё дела в столице.

Ричард кивнул, но, прежде чем уйти, он подошёл ко мне

и сказал тихо, так, чтобы сестра не слышала:

— Спасибо, найра Анастасия. Не только за костюм. За то, что вы не стали делать вид, что не заметили меня на балу. Я это ценю.

Я улыбнулась в ответ и почувствовала, что мои щёки чуть порозовели, но я не отвела взгляд.

— Приезжайте через три дня, — сказала я. — И приносите с собой что-нибудь кроме заказов. Например, столичные сплетни. Я, знаете ли, любопытная.

Он усмехнулся, кивнул и шагнул в портал вслед за Долорес, которая уже махала мне рукой на прощание. Когда вихрь схлопнулся, я осталась стоять в зале с булавками в руках и улыбкой, которую не могла сдержать. Лиска, которая всё это время наблюдала из-за двери, вошла и сказала с видом победительницы:

— Настька, я начинаю верить, что этот дракон — не просто клиент. Он смотрел на тебя так, будто ты уже сшила ему не костюм, а судьбу.

— Лиска, — ответила я, убирая булавки в коробку, — если ты не перестанешь говорить загадками, я заставлю тебя гладить его костюм сама. А пока — принеси мне чаю. У меня ещё платье для Долорес не доделано, а я уже думаю о весеннем бале, на который, кажется, меня пригласили не только как мастерицу.

Глава 3

Ёлку мы убрали в один из тех дней, когда за окном было особенно серо и промозгло — зима окончательно вступила в свои права, и даже магические светильники в зале не могли разогнать тусклую хмарь за окнами. Я стояла в холле и смотрела, как Лиска и эльфийки аккуратно снимают игрушки с веток — мамины шары, стеклянный домик, деда Мороза — и укладывают их в коробку, которую я потом отправлю родителям обратно, чтобы они не потерялись в моём мире. Сама ёлка, осыпавшаяся, но всё ещё пахнувшая хвоей, была вынесена во двор и поставлена у стены, где она должна была дожидаться весны, чтобы превратиться в дрова. Лиска, стряхивая с фартука последние иголки, проворчала:

— Ну вот, Настька, проводили праздник. Теперь у нас в холле пусто, как в голове у того эльфа, который вчера пытался торговаться со мной за шляпку. Ты бы хоть что-то на место ёлки поставила, а то смотреть тошно.

— Лиска, — ответила я, — у нас в холле пусто ровно до тех пор, пока не придёт первая клиентка. А судя по тому, что я слышала от вестников, они уже в пути. Так что наслаждайся тишиной, пока можешь.

И как будто боги или сам замок услышали мои слова — не успела Лиска уйти на кухню, как в холле раздался хрустальный звон портала, и на пороге появилась первая гостья, ко-

торию я никак не ожидала увидеть в этот серый день. Это была эльфийка из столицы, дальняя родственница той самой Лилианы, которая заказывала платье для совета клана. Она представилась как найра Элириэль, высокая, тонкая, с волосами цвета пшеницы и глазами, которые сразу же устремились к полкам с аксессуарам, которые я вынесла в зал для показов ещё перед праздником. На ней было простое, но идеально скроенное дорожное платье из тёмно-зелёного сукна, а на плечах — меховая накидка, которая, судя по покрою, стоила больше, чем весь мой месячный запас ниток.

— Найра Анастасия, — сказала она, не тратя времени на долгие приветствия и даже не снимая накидку, — я слышала от кузины, что у вас есть шляпки и пояса, которые не делают больше нигде в Растусе. Я приехала, чтобы посмотреть и, если понравится, купить. У меня через месяц приём, и мне нужно что-то, чего нет у других. Мои портные в столице предлагают только рюши и банты, а я хочу что-то, что заставит моих подруг замолчать хотя бы на один вечер.

Я улыбнулась и повела её к полкам, где стояли бабушкины шляпки, лежали пояса, застёжки, диадемы и даже несколько пар обуви, которую Марта и Клара успели привести в порядок. Элириэль провела там почти час, примеряя шляпки перед магическим зеркалом и поворачиваясь так и эдак, будто она не в замке, а на подиуме в столичном салоне.

— Вот эта, — сказала она, надевая фетровую шляпку с длинным пером, — это что-то невероятное. Откуда вы берё-

те такие вещи? Мои портные говорят, что фетр сейчас не в моде, а я всегда знала, что они ошибаются. Сколько вы за неё хотите?

— Двадцать золотых, — ответила я, зная, что для столичной эльфийки это не цена, а мелочь.

— Беру, — сказала она, не торгуясь, и тут же надела её обратно, поправляя перед зеркалом. — А этот пояс, с гравировкой, он подойдёт к моему платью для приёма? Оно у меня серебристое, с высоким воротом.

Я посмотрела на пояс, потом на неё, прикидывая сочетание, и кивнула:

— Подойдёт, если вы наденете его поверх платья, а не под ним. Гравировка будет перекликаться с воротом, если вы добавите к нему брошь — вот эту, с сапфиром. Она не слишком яркая, но добавит глубины.

Элириэль посмотрела на брошь, потом на меня, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Вы не просто мастерица, вы стилист. В столице таких почти нет. Я возьму и брошь. И ещё — у вас есть что-то для волос? Мне нужны шпильки или гребень, чтобы причёска держалась весь вечер.

Я достала из бабушкиной коллекции гребень с жемчужной инкрустацией, и Элириэль, увидев его, ахнула так громко, что Лиска выглянула из кухни.

— Это же работа старых мастеров! — воскликнула она. — Я такие видела только в музее в столице, и то под стеклом.

Вы уверены, что хотите продать?

— Уверена, — сказала я. — Вещи должны жить, а не пылиться на полках. Если вы будете их носить, они будут счастливы.

Элириэль ушла, оставив мне тридцать золотых и обещание рассказать о моём ателье всем столичным подругам. И, как оказалось, она сдержала слово. В течение следующих трёх дней в замок через портал прибывали всё новые клиентки — сначала подруги Элириэль, потом их родственницы, а потом и те, кто просто услышал о «мастерице из замка, у которой есть вещи из другого мира».

Вторая гостя, вампириша по имени найра Кассандра, была высокой, с кожей цвета слоновой кости и волосами, уложенными в сложную причёску с серебряными шпильками. Она вошла в зал, оглядела полки и сказала с порога:

— Мне нужно всё, что у вас есть чёрного и красного. Я иду на бал в честь помолвки кузины, и я хочу выглядеть так, чтобы её жених пожалел о своём выборе. У вас есть что-то, что может это сделать?

Я показала ей пояс из чёрной кожи с красными камнями и диадему с рубинами, и она, примерив их перед зеркалом, улыбнулась впервые за всё время визита — улыбкой, от которой у меня по спине пробежал холодок.

— Это именно то, что нужно, — сказала она. — Моя кузина выходит замуж за скучного эльфа, который не понимает, что женщина должна быть опасной. Я куплю и то, и дру-

гое. И ещё — у вас есть перчатки? Длинные, выше локтя, из чёрного шёлка?

Перчаток у меня не было, но я пообещала сшить их к следующей неделе, и Кассандра, оставив задаток, удалилась, оставив после себя запах ладана и лёгкое ощущение, что я только что продала не аксессуары, а оружие.

Третья клиентка, гномка из знатного рода по имени найра Гримхильда, приехала с целой свитой из двух служанок и потребовала показать ей «всё, что есть, и не отвлекаться на пустяки». Она была невысокой, но широкой в кости, с бородой, заплетённой в две косы, и с таким голосом, что эльфийки в мастерской притихли, когда она вошла.

— Мне нужны пояса, — сказала она. — Много поясов. У меня трое сыновей, и все они женятся в этом году. Я хочу, чтобы их жёны знали, что свекровь у них — не какая-то там деревенская знахарка, а женщина со вкусом. И ещё — у вас есть что-то для бороды? Заколки, кольца, что угодно. Моя борода — это моя гордость, и я хочу её украсить.

Я показала ей всё, что у меня было, и Гримхильда выбрала три пояса, две заколки для бороды и даже одну диадему, которую она, по её словам, собиралась носить «для устрашения соседей». Она заплатила щедро, без торга, и, уходя, сказала:

— Вы, найра, знаете, что делаете. Если бы вы жили в наших горах, я бы сделала вас придворной мастерицей. Но вы, я вижу, и здесь неплохо устроились. Приезжайте как-нибудь в гости — я вас познакомлю с моими сыновьями. Они у меня

все холостые, и, между нами, им нужна жена с характером.

Я поблагодарила её и сказала, что подумаю, но когда она ушла, Лиска, которая слышала этот разговор из-за двери, фыркнула:

— Настька, если ты выйдешь замуж за гнома, я уйду в отшельницы. Ты представляешь, как ты будешь жить в подземье и шить платья при свете факелов?

— Лиска, — ответила я, — я не собираюсь замуж за гнома. Но если он пришлёт мне хороший заказ на платья для всей семьи, я не откажусь. Это называется бизнес, а не личная жизнь.

К концу недели я продала почти всё, что бабушка оставила мне в потайной комнате: шляпки, пояса, диадемы, заколки, сумочки, даже пару туфель на высоком каблуке, которые, как выяснилось, идеально подходили вампирам, любившим элегантную обувь. Каждая покупка сопровождалась примеркой перед магическим зеркалом, и я видела, как женщины — эльфийки, вампиры, даже одна гномка из знатного рода — улыбались своему отражению так, будто получили не аксессуар, а частичку счастья. Лиска, которая вела учёт, к концу третьего дня посмотрела на списки и сказала:

— Настька, мы распродали почти всё, что можно было продать. Осталось несколько шляпок и пара поясов, которые ты отложила для себя. Ты хоть понимаешь, что мы теперь можем не беспокоиться о зиме и даже о весне?

Я понимала, но одновременно чувствовала, что это толь-

ко начало. Аксессуары привлекли новых клиенток, и почти каждая, уходя, оставляла заказ на платье — кто-то на весну, кто-то на лето, кто-то на ближайший бал. Столичные аристократки хотели не просто шляпку, они хотели целый образ: платье, к нему пояс, к поясу застёжку, к застёжке шляпку. Я записывала их мерки, эскизы, пожелания, и к концу недели у меня в блокноте было больше десяти новых заказов на платья — от лёгких летних сарафанов с магическими тканями до тяжёлых бархатных нарядов для зимних приёмов в столице. Долорес, которая приехала за своим платьем и застала этот ажиотаж, пошутила:

— Анастасия, вы теперь самая модная мастерица в Растусе. Ещё немного, и вам придётся открыть филиал в столице, иначе все эти дамы будут ездить к вам порталами и разорят свои семьи на перемещениях. Я, кстати, тоже хочу заказать у вас летнее платье — что-то лёгкое, но чтобы можно было надеть на приём к королеве. Вы сможете?

— Для вас, Долорес, — ответила я, — я сошью даже платье из облаков, если вы достанете мне облако. Но пока давайте начнём с шёлка. Я знаю один рулон, который вам точно понравится.

Она осталась на чай, и мы просидели до вечера, обсуждая фасоны и ткани, а Лиска тем временем подсчитывала доходы и строила планы на будущее, которые, судя по её лицу, обещали быть грандиозными.

Глава 4

Экстренные заказы мы закончили как раз вовремя — в тот самый день, когда последняя клиентка, вампирша Кассандра, забрала свои перчатки и пояс с рубинами, а Долорес увезла в столицу своё платье, которое она, по её словам, собиралась надеть на приём к королеве. Мы стояли в холле, провожая их, и я чувствовала, как с каждым ушедшим гостем с моих плеч падает по камню — тяжёлому, холодному, но всё же камню, который я таскала на себе неделями. Когда порталный вихрь схлопнулся за последней клиенткой, я прислонилась к стене и выдохнула так глубоко, что Лиска, проходившая мимо с пустым подносом, остановилась и посмотрела на меня с подозрением.

— Настька, ты чего? — спросила она. — Ты выглядишь так, будто только что сдала экзамен на звание главной швеи Растуса. Всё, закончились заказы? Можно вздохнуть?

— Закончились, — ответила я, отлепляясь от стены. — Все, что были срочные, ушли. Остались только те, что к весне и лету. Мы можем немного перевести дух.

Но перевести дух нам не дали — природа как будто только и ждала, пока последняя клиентка покинет замок, обрушила на нас такой снегопад, какого я не видела даже на Земле. Снег повалил густой, крупный, тяжёлый, и за какие-то пару часов занёс все дорожки, все подходы к замку, все окна на

первом этаже — мы с трудом разгребли входную дверь, чтобы выпустить последнюю карету, и когда она скрылась за воротами, я поняла, что теперь мы отрезаны от мира, возможно, на несколько недель. Вслед за снегом ударили морозы — такие, что даже магические светильники в зале начали мерцать, а Лиска, которая всегда ходила без шапки, впервые за всё время натянула на голову шерстяной платок и заявила, что «если кто-то ещё скажет, что зима — это красиво, я лично заставлю его таскать дрова из сарая».

И с этого дня в замке наступила тишина, которой я не слышала с самого начала своего пребывания здесь. Никто не приезжал — порталы открывались только для вестников, но даже они, казалось, стучались в наши окна и сразу улетали, потому что холод был таким, что магия в них замерзала на полпути. Дороги замело так, что даже гномы, которые обычно ходили под землёй, не рисковали выбираться на поверхность. Мы оказались в коконе из снега и камня, и я, честно говоря, сначала запаниковала — потому что если клиенты не приходят, то и деньги не приходят, а зима длинная, и дрова, которые мы закупили, не бесконечны. Но потом я посмотрела на своих помощниц — на Грету, которая спокойно сшивала кожу, на Лартаниэль и Тариэль, которые перебирали нитки, на Марту и Клару, которые чинили обувь, на девочек, которые плели браслеты у камина, — и поняла, что тишина — это не конец, а возможность сделать то, на что у нас никогда не хватало времени.

— Так, — сказала я, собрав всех в рабочей комнате, где было теплее всего, — раз уж к нам никто не приезжает, мы будем работать на будущее. У нас есть ткани, которые бабушка оставила, есть нитки, есть иглы, и есть время. Давайте сделаем коллекцию к весне, которая заставит всех этих столичных дам ахнуть. Не отдельные заказы, а целую линию — платья, аксессуары, обувь. Чтобы, когда снег растает, мы могли выставить всё это в зале и просто ждать, пока клиентки прибегут сами.

Грета одобритительно рыкнула, эльфийки переглянулись и кивнули, а Марта и Клара, которые ещё не до конца привыкли к нашему ритму, посмотрели на меня с таким удивлением, будто я предложила им вышить звёздное небо на платье.

— Мы будем шить просто так? — спросила Клара, чуть застенчиво. — Без заказчика?

— Без заказчика, — подтвердила я. — Мы будем шить для себя. Для души. А потом, когда всё будет готово, мы устроим показ, и я обещаю, что каждая вещь найдёт свою хозяйку. А пока — предлагайте, фантазируйте. У нас есть целая зима впереди.

И мы начали. Грета взялась за кожу — она решила сделать коллекцию поясов и сумок с тиснёными узорами, которые напоминали бы о лете, с листьями, цветами и даже бабочками. Лартаниэль и Тариэль занялись шёлком — они придумывали платья с драпировками, которые, по их словам, должны были «дышать, как весенний ветер». Марта и Клара, кото-

рые раньше работали только с обувью, попросили разрешения попробовать себя в аксессуарах — они хотели сделать ремни и заколки для волос, вдохновлённые гномьими узорами. Девочки, Мира и Лейла, плели браслеты и маленькие сумочки-мешочки, которые можно было вешать на пояс. Я же засела за эскизы — у меня в голове было столько идей, что я не знала, с чего начать, и в итоге просто открыла блокнот и начала рисовать всё подряд: платья, плащи, шляпки, пояса, даже пару идей для обуви, которые я потом отдала Марте и Кларе.

Дни потекли медленно, но наполненно. Утром мы завтракали вместе, потом расходились по рабочим местам, и в замке слышался только звук машинки, стук игл и тихие разговоры. Лиска, которая сначала ворчала, что «мы тут как в снежной тюрьме», к концу первой недели смирилась и даже начала помогать — она взялась за учёт материалов и придумала систему, по которой мы могли отслеживать, сколько чего ушло на каждый предмет. Найра Эльза, которая тоже осталась в замке, вместе с мужем и детьми, взяла на себя кухню и отопление, и каждый вечер мы собирались в гостиной, пили чай с пряниками и обсуждали, что сделали за день. Иногда мы смотрели в окно, на снег, который всё падал и падал, и я думала, что, наверное, это и есть счастье — не когда к тебе приезжают клиенты и платят золотом, а когда ты сидишь в тёплом замке с людьми, которые стали твоей семьёй, и шьёшь то, что тебе нравится, зная, что весной это принесёт

радость кому-то ещё.

К концу второй недели у нас уже была почти готовая коллекция — несколько платьев, пояса, сумки, обувь, браслеты, и даже пара шляпок, которые я сделала по бабушкиным образцам, но с новыми узорами. Мы развесили всё в зале для показов, и когда я смотрела на это, я чувствовала, что зима — это не время застоя, а время роста, и что, когда снег растает, мы выйдем из этого замка не просто швеями, а настоящим модным домом, который может предложить клиенткам не только то, что они просят, но и то, о чём они даже не мечтали.

Глава 5

Оттепель пришла неожиданно — ещё вчера мороз трещал так, что стёкла в окнах покрывались узорами, а сегодня утром я проснулась от капли, которая барабанила по подоконнику, как весенний дождь. Снег оседал, дорожки во дворе начали чернеть, и даже воздух, казалось, стал мягче, будто зима решила, что хватит, пора уходить. Мы с Лиской вышли на крыльцо, чтобы вдохнуть этот влажный, тёплый запах, и она, щурясь на солнце, сказала:

— Ну вот, Настька, дожили. Ещё неделя — и можно будет открывать окна. Ты знаешь, что это значит? Что клиенты снова начнут приезжать. Готовься, потому что после такой долгой тишины они навалятся на нас, как снег на голову.

— Лиска, — ответила я, улыбаясь, — мы как раз к этому готовы. У нас целая коллекция в зале для показов. Пусть приезжают.

И они приехали. Первыми, ещё до того, как дороги окончательно расчистили, появились Долорес и Ричард — порталный вихрь вспыхнул в холле в тот самый момент, когда я поправляла шляпку на одном из манекенов, и я, обернувшись, увидела, как из мерцающего овала выходит Долорес, сияющая, в новом платье, которое она, видимо, сшила у столичного портного, но которое всё равно не шло ни в какое сравнение с тем, что мы делали здесь. Ричард шагнул сле-

дом, и я заметила, что он тоже выглядит иначе — не в том смысле, что изменился, а в том, что при дневном свете, который теперь заливал холл, его серые глаза казались глубже, а улыбка — мягче.

— Анастасия! — воскликнула Долорес, подлетая ко мне и обнимая так, будто мы не виделись год. — Мы приехали, потому что я не могла больше ждать! Я слышала, что вы за зиму сделали целую коллекцию, и я хочу увидеть её первой, пока эти столичные дамы не разобрали всё самое лучшее!

— Здравствуйте, найра Долорес, — ответила я, обнимая её в ответ. — Проходите, всё в зале для показов. Я как раз развешивала шляпки. И да, вы правы — коллекция готова, и я рада, что вы приехали первыми.

Долорес, не теряя времени, устремилась в зал, и я услышала, как она ахает, разглядывая платья, которые эльфийки развесили на манекенах. Она подошла к одному из них — светло-голубому, с драпировкой на плечах и вышивкой в виде весенних цветов, — и провела рукой по ткани с таким благоговением, будто прикоснулась к святыне.

— Это... это же произведение искусства, — сказала она. — Анастасия, я хочу это. И вон то, с открытой спиной, — она указала на второе платье, — и ещё пояс, который к нему подходит. И шляпку. И, наверное, сумочку. Я, кажется, сейчас скуплю половину зала.

Ричард, который вошёл следом за сестрой, но держался чуть в стороне, улыбнулся и сказал:

— Долорес, если ты купишь половину зала, тебе придётся строить новый гардероб. А у нас дома и так уже негде хранить твои наряды.

— Тогда я построю новый дом, — парировала Долорес, не отрываясь от платьев. — Или ты, как любящий брат, уступишь мне свою половину.

Ричард подошёл ко мне, пока Долорес продолжала изучать коллекцию, и сказал тихо, так, чтобы слышала только я:

— Я рад вас видеть, Анастасия. Не только потому, что вы шьёте лучшие костюмы в Растусе, а потому что я... скучал. Зима была долгой, а столица — скучной без вас.

Я почувствовала, как к щекам приливает тепло, и, надеюсь, это было заметно не так сильно, как мне казалось. Я ответила, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— Я тоже рада вас видеть, Ричард. И я не только шила, но и думала о вашем весеннем костюме. У меня есть несколько идей, которые, я думаю, вам понравятся.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал он, и его улыбка стала чуть шире. — Но, если честно, я приехал не только за костюмом. Я хотел увидеть вас. Убедиться, что вы не замёрзли в этом снежном плену и что ваш замок всё ещё стоит.

— Замок стоит, — ответила я, — и я не замёрзла. У нас было тепло, и мы работали. Так что зима прошла с пользой.

Долорес, которая, наконец, оторвалась от платьев, подошла к нам с охапкой вещей — двумя платьями, поясом, шляпкой и сумочкой — и сказала:

— Всё, я беру это. И ещё я хочу заказать летнее платье, но не сейчас, а когда вы закончите с весенней коллекцией. А сейчас — сколько с меня?

Я подсчитала в уме, назвала сумму, и Долорес, не торгуясь, выложила золото на стол. Она была так довольна, что даже обняла меня ещё раз, а потом сказала брату:

— Ну что, ты идёшь смотреть свой костюм? Или ты так и будешь стоять здесь и смотреть на Анастасию, как будто она — единственное, что тебя интересует?

— Долорес, — предупреждающе сказал Ричард, но я заметила, что он не отрицает её слов. Он посмотрел на меня и добавил: — Я бы хотел посмотреть костюм, если у вас есть время. И, может быть, обсудить весенний бал. Я хотел пригласить вас. Не как мастерицу, а как гостью.

Я на мгновение замерла, потому что не ожидала такого прямого приглашения. Долорес, которая стояла рядом, закатила глаза и сказала:

— Наконец-то! Я думала, он никогда не решится. Анастасия, скажите «да», иначе он будет ходить вокруг вас весь год и вздыхать, как больной дракон.

Я посмотрела на Ричарда, на его серьёзное лицо, на то, как он ждал ответа, и почувствовала, что улыбаюсь — искренне, без всякой профессиональной сдержанности.

— Я подумаю, — сказала я. — Но сначала — костюм. Идёмте в примерочную, я покажу вам, что мы сделали за зиму.

Мы пошли в примерочную, и я чувствовала, как внутри меня что-то теплеет — не от солнца, которое заливало светом все вокруг, а от того, что весна, кажется, начинается не только за окном, но и в моей жизни.

Глава 6

За следующую неделю замок превратился в проходной двор — и я говорю это с любовью, потому что каждый, кто входил в эти двери, оставлял после себя золото, комплименты и новые заказы. Погода улучшалась с каждым днём: снег оседал, дорожки чернели, и даже воздух стал мягче, так что клиентки приезжали не только порталами, но и на санях, которые то и дело застревали в последних сугробах у ворот, и Грета с Мартой вытаскивали их оттуда с такой руганью, что эльфийки краснели. Первой нагрязнула найра Элириэль — та самая столичная эльфийка, которая купила у меня фетровую шляпку с пером ещё до снегопада. Она вошла в холл, огляделась и объявила:

— Я вернулась! И я не одна — я привезла с собой сестру, кузину и двух подруг, потому что после того, как я надела вашу шляпку на приём, меня трижды спросили, где я её взяла. Трижды, Анастасия! Вы понимаете, что это значит? Это значит, что вы теперь должны мне ещё одну шляпку, потому что моя сестра хочет точно такую же, но с красным пером.

Сестра Элириэль, невысокая эльфийка с тёмными волосами и глазами, которые оценивали всё вокруг с лёгкой завистью, тут же подхватила:

— И не только шляпку. Я слышала, у вас есть пояса с гравировкой. Мне нужен пояс. И платье. И, если можно, что-то

для волос, потому что моя причёска вечно разваливается на приёмах, и я выгляжу как растрёпанная ворона.

Я повела их в зал для показов, где после зимы осталось не так много вещей — большую часть мы уже продали, — но то, что осталось, было лучшим. Элириэль сразу же схватила вторую шляпку с красным пером, её сестра долго выбирала между двумя поясами и в итоге взяла оба, а подруги, которые оказались вампиршами, накинулись на сумки и заколки с таким энтузиазмом, что Лиска, наблюдавшая за этим из-за двери, прошептала мне:

— Настька, они сейчас разберут всё, что осталось, и нам придётся шить ночью, чтобы к утру было что-то ещё.

— Лиска, — ответила я, — пусть разбирают. Это значит, что весной у нас будет ещё больше заказов. А ночью я спать хочу, так что пусть берут то, что есть.

Вампирша по имени найра Оливия, которая пришла с Элириэль, оказалась самой говорливой. Она крутилась перед магическим зеркалом с сумкой в руках и приговаривала:

— Это невероятно. У меня есть сумки из столицы, из-за моря, даже из подземных мастерских гномов, но такой работы я не видела. Смотрите, как шов идёт — ровно, как по линейке. А застёжка? Она же сама защёлкивается! Анастасия, вы не хотите переехать в столицу? Я вам найду дом, и вы будете шить только для меня.

— Найра Оливия, — ответила я, — я ценю предложение, но у меня здесь замок, команда и, честно говоря, я не люблю

столичную суету. Но если вы хотите заказать что-то ещё, я могу отправлять вам вещи вестником.

— О, это ещё лучше! — воскликнула она. — Тогда я закажу у вас летнее платье, два пояса и, пожалуй, ещё одну сумку. Только не говорите моему мужу, что я потратила на это половину годового бюджета.

К концу третьего дня в зале для показов осталось только несколько вещей — пара браслетов, которые девочки сплели в самом начале зимы, и одна шляпка, которую я отложила для себя, но так и не решилась надеть. Всё остальное разошлось по рукам: платья, пояса, сумки, обувь, даже заколки для бороды, которые Гримхильда заказала ещё до снегопада и которые мы доделали только к весне. Лиска, которая вела учёт, к концу недели посмотрела на списки и сказала с таким выражением, будто сама не верила своим глазам:

— Настька, у нас пусто. Совсем пусто. Мы продали всё, что было, и даже то, что не собирались продавать. Помнишь ту диадему с сапфиром, которую ты хотела оставить? Её купила вампирша Оливия, и она была так счастлива, что чуть не расплакалась. Я, честно говоря, тоже чуть не расплакалась, потому что это была самая дорогая вещь в нашей коллекции.

— Лиска, — ответила я, — это значит, что мы хорошо поработали. И что теперь у нас есть деньги, чтобы закупить новые ткани и начать всё сначала. Весна только начинается, а у нас уже нет товара. Это не проблема, это успех.

— Успех — это когда ты можешь сидеть и ничего не делать, — проворчала Лиска. — А у нас с тобой, судя по всему, успех — это когда ты работаешь ещё больше. Я пойду составлю список тканей. И, пожалуйста, не продавай больше свою личную шляпку. Ты её так и не надела, а она уже почти ушла с молотка.

Я рассмеялась и пообещала, что шляпку оставлю, но вечером, когда все разошлись, я всё равно села за эскизы — потому что клиентки, уходя, оставили не только золото, но и заказы, и я знала, что весна будет долгой и жаркой. Долорес, которая приезжала в начале недели, тоже прислала вестника с просьбой сшить ей летнее платье к приёму у королевы, и я уже прикидывала, какую ткань использовать, чтобы оно было лёгким, но не выглядело простым. Ричард, который уехал вместе с сестрой, не написал ничего конкретного, но я поймала себя на том, что жду его вестника — не как от заказчика, а как от человека, который сказал, что скучал. Я потрянула головой, отгоняя эти мысли, и вернулась к работе, потому что весна, как и клиентки, не ждёт, и если я хочу, чтобы к лету у нас снова был полный зал, мне нужно начинать шить прямо сейчас.

Глава 7

Через день после того, как последняя клиентка уехала, увозя с собой последнюю шляпку и оставив в замке лишь запах дорогих духов и лёгкое ощущение опустошённости, ко мне в мастерскую пришла найра Эльза. Она не стучалась — она никогда не стучалась, когда шла с плохими новостями, — просто вошла, держа в руках длинный свиток пергамента, исписанный её аккуратным, убористым почерком, и встала перед моим столом с выражением лица, которое я уже научилась читать как: «Сядь, Настя, сейчас будет больно». Я отложила эскиз летнего платья для Долорес, вздохнула и указала ей на стул.

— Найра Эльза, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал бодро, — судя по вашему лицу, у нас закончилась не только мука, но и всё остальное, включая надежду.

— Надежда, найра Анастасия, у нас ещё есть, — ответила она, разворачивая свиток на столе. — А вот с продуктами и с крышей — сложнее. Слушайте внимательно, потому что список длинный.

Она начала перечислять, водя пальцем по строчкам, и с каждым пунктом моя бодрость улетала куда-то в сторону сарая, где, судя по всему, уже не осталось ни дров, ни угля.

— Мука — закончилась. Совсем. Мы докупали в середине зимы, но с учётом того, что вы кормите всю команду, а

это, между прочим, двенадцать человек, плюс гости, плюс вестники, которые иногда остаются на обед, — мука ушла. Крупа — тоже на исходе, осталась только овсянка, которую эльфийки не любят и едят только под угрозой. Мясо — солонина закончилась ещё на прошлой неделе, и мы едим в основном то, что приносят крестьяне в обмен на мелкий ремонт, но этого хватит ненадолго. Масло — кончилось. Свечи — мы перешли на магические светильники, но они жрут энергию, и если ударит мороз снова, мы останемся без света. И это только еда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.